

Поверх барьеров

Государственный гимн — это не поэзия, это политический документ, считает Сергей Михалков

Мегаинформация 1998 — 14 марта — с. 9-10

Юлия Горячева

НУ, О ЧЕМ ЖЕ вы собираетесь меня спрашивать? Вы не представляете, до какой степени мне надоело все эти интервью — одно и то же, одно и то же... Мне, не забывайте, все-таки 85 лет... Из них 70 лет в литературе... Правда, то, что вы из «Независимой газеты», вселяет в меня какую-то долю уверенности, что интервью будет не шаблонно-трафаретное...

— Сергей Владимирович, я представляю, как вы с нами за последние 50 лет научились... И все же давайте попробуем нащупать какие-то точки пересечения... Кстати, в вашей жизни был какой-нибудь интервьюер, который запомнился вам?

— Нет!..

— Хорошо, а собеседник? В силу вашего литературного мастерства и положения, судьба подарила вам немало интересных собеседников, верно?.. Кто был вам наиболее интересен?

— Сталин, с которым я встречался в 43-м году во время создания Гимна Советского Союза... Безусловно, это был самый интересный собеседник за всю мою жизнь. Интересен не только потому, что он был руководителем партии и государства... Вы все-таки должны понимать, что я и с Хрущевым был знаком, и с Брежневым, и с Горбачевым... Но Сталин мне был интересней всех... Потому что я, когда с ним лично познакомился (мы, кстати, со Сталиным несколько раз текст гимна по телефону обсуждали, и он мне ряд очень ценных замечаний сделал), еще было целых два года до Победы... И судьба мне даровала возможность наблюдать, как рождается стратегия Победы... Именно поэтому он мне интересен, а вовсе не в связи с тем, что выигрыш конкурса на гимн, в какой-то степени предопределил мою дальнейшую судьбу... Дескать, Сталин меня благословил, и дальше все пошло по маслу. Да и сам конкурс, не забывайте, был под председательством маршала Ворошилова... Не Сталина!

— Пословица такая есть... «Судьба покорно за ручку ласково ведет, а непокорного в след за собой швыряет...» Вы почему-то у многих все больше с первой частью поговорки ассоциируетесь... Все у вас всегда так ладно складывается...
— А-ааа... (Машет досадливо рукой.)
Я всю жизнь всего добиваюсь сам... Да-да... Конечно, и старшие товарищи помогли. Лев Кассиль огромную роль сыграл в моей жизни.

Самуил Маршак меня многому научил. С Фадеевым дружил до его самоубийства. Он еще в юности моим кумиром стал, я ему и именно стихотворение посвятил. «Левинсон» называется. С тех пор как вручил ему, он опосредованно начал меня опекает. А потом, в кризисное для себя время, он порой у нас дома отлеживался. Честно скажу, что по некоторым признакам догадывался о том, что он был не в ладах с собой, и все же его самоубийство явилось для меня большой неожиданностью. Уже потом, после публикации его предсмертного письма, понял, как туго ему приходилось. Фадеев, кстати сказать, огромную роль сыграл в моей жизни...

— А я думала Маршак, который с середины 30-х годов стал вашим наставником в детской литературе — после того как журнал «Пионер» прикомандировал вас к нему... Ведь хрестоматийно-знаменитый «Дядя Степа» был отдан на вычитку в ту литературную первую поездку в Ленинград именно ему, не так ли?

— Маршак Маршаком... Он, безусловно, самый крупный детский советский поэт. Я его, как и Агнню Барто, до сих пор обожаю!! И все же именно Фадеев опубликовал обо мне крупную именную статью как о поэте в «Правде» в 38-м году... А по тем временам персональная статья в «Правде» ой как много значила! Это сейчас все смешалось... Эти так называемые демократы мало чего с собой принесли... Нет, что частное предпринимательство наконец-то узаконено, и то, что не надо всякие парткомиссии — ни уму ни сердцу — перед выездом за границу проходить, — это, конечно, замечательно... А то, я помню, каждый раз подвергался риску быть спрошенным об имени генсека компартии Уругвая! Но и эти так называемые демократы от литературы, расплывшиеся в последнее время, — черт знает что! На самом-то деле они в большинстве своем пустышки... У этих писателей, мелькающих с самого начала перестройки на страницах газет и журналов, на стипендию нет никакого ценного литературного багажа... Ни-ка-кого!!! Только болтовня на митингах да на собраниях... А у меня есть! Я, между прочим, своего Героя Соцтруда еще в 73-м получил!!! Двадцать лет — председателем правления Союза писателей России... Сейчас вот еще и президент Совета по детской книге...
— И еще лауреат трех Сталинских премий и одной Ленинской... А также Государственной премии СССР и Государственной премии РСФСР... К тому же действительный член

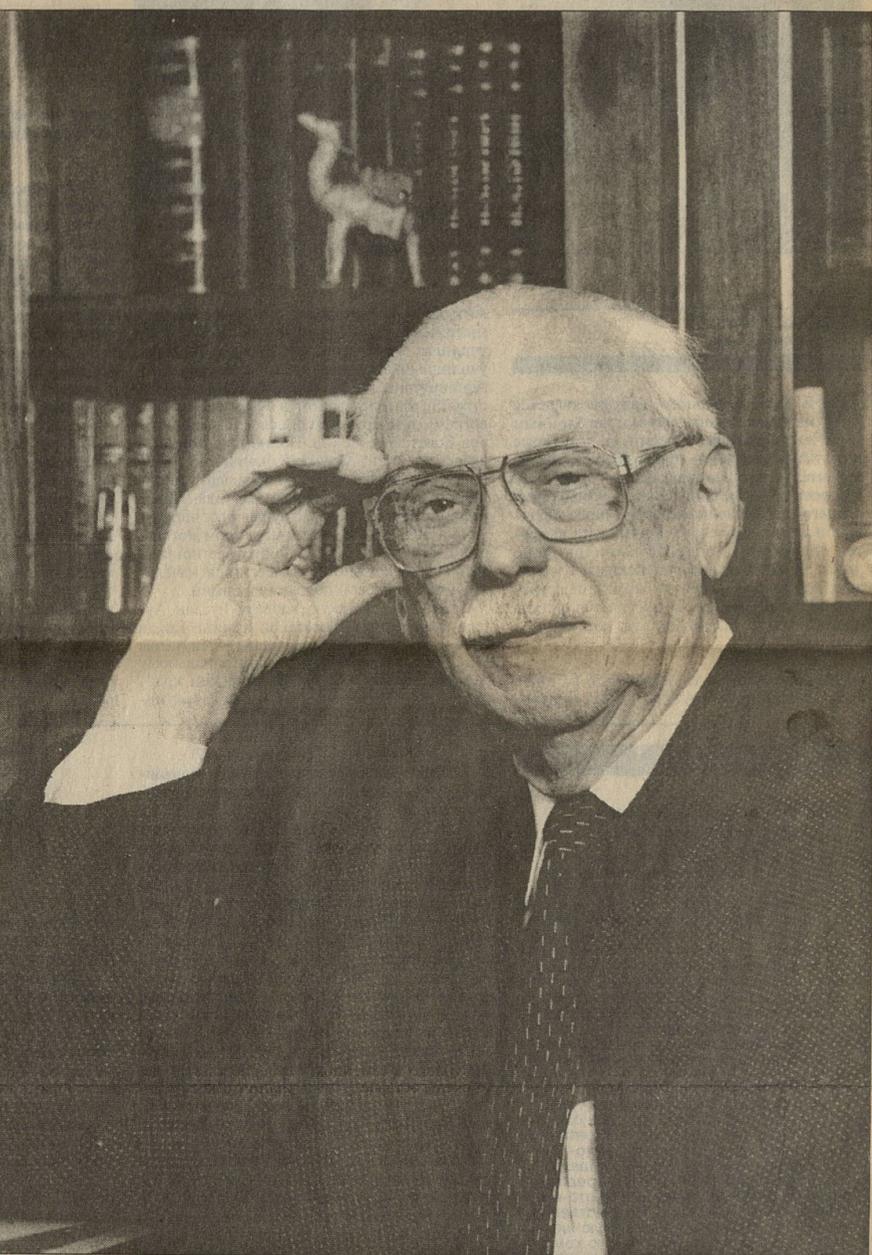
Российской академии образования... А в каких-нибудь организациях так называемого нового типа вы участвуете? Вот минувшей осенью состоялся своеобразный хепенинг под названием Конгресс интеллигенции... Вы участвовали в этом действе?

— Чего-чего конгресс?... Вы оглянитесь кругом, какая такая интеллигенция?... (Брезгливо.) А вы, наверное, демократическую интеллигенцию имеете в виду... Эти — ерунда собачья! Я и знать не знал их никогда... И слава Богу! А то бы запялтал себя общением с теми, кто в 93-м стремился к физической расправе над своими недавними единомышленниками, не числившими себя уже в пресловутом демократическом лагере...

А на конгресс, между прочим, меня никто не звал!! Могли бы, кстати, меня и послушать... Хотя, чего уж говорить, многих достойных людей туда не пригласили...

— Например? Просто хочу узнать вашу систему координат. В плане достойных людей...
— Сейчас трудно сообразить... Да и зачем, собственно? Если меня не пригласили, то и других достойных тоже... Все пытаются доказать, что лучшие пришли на смену нам, писателям-консерваторам... Пришли... Чем, собственно говоря, лучше? С чем, спрашивается, пришли? Принесли чего? А?! Раньше были самыми активными проповедниками коммунизма... Еще активней многих из нас! Сами можете вспомнить наиболее яркие примеры...

(Окончание на стр. 10)

Сергей Михалков.

в своеобразном интервью для португальского католического журнала «Christus», отрывки из которого на днях обнародовала испанская газета «ABC». О содержании «третьего секрета Фатимы» сестра Лусия говорит категорически отказавшись, заметив, что на это нужно специальное разрешение Папы, зато рассказала немало интересного. В частности, она сообщила, что Горбачев, сам того не подозревая, был орудием Господа, позволившем изменить ход событий в России.

Что касается эпизода покаяния Михаила Сергеевича, то Святой Престол вынужден был опровергнуть эту сенсационную информацию. Официальный представитель Ватикана Хоракин Наварро Вальс назвал рассказ о коленипреклоненном Генеральном секретаре «неверным и неправдоподобным». В такое действительно верится с трудом, но долную ясность в данный вопрос мог бы внести, наверное, лишь сам Горбачев. Впрочем, ревностные католики все равно поверят рассказу единственной живой свидетельницы Фатимского чуда, если, конечно, ее слова, мягко говоря, не исказили.

Сергей СТАРЦЕВ
Ватикан

О нравы!

Константин Катанян

В ФЕВРАЛЕ 1998 г. Тамара Георгиевна Моршаква была повторно избрана на три года заместителем председателя Конституционного суда России. Таким образом, практически до конца своих судейских полномочий, истекающих 31 марта 2001 г., она будет занимать эту высокую должность, ставшую венцом ее карьеры ученого-юриста.

Моршаква — коренная москвичка. В 1958 г. она закончила МГУ, а в 1966-м — аспирантуру Института государства и права Академии наук СССР. Работая с 1958 по 1971 г. в этом институте, Моршаква защитила кандидатскую диссертацию. Ее специализация — судебное право, уголовный процесс, социология права. С 1971 по 1991 г. она проходит путь до главного научного сотрудника Всесоюзного научно-исследовательского института советского государственного строительства и законодательства, при этом в 1988 г. защищает докторскую диссертацию, посвященную проблеме теории и практики оценки качества судебного разбирательства по уголовным делам.

В 1985 г. Моршаква становится членом Научно-консультативного совета Верховного суда РФ, а в 90-м — экспертом Конституционной комиссии. Кроме того, она является одним из авторов Концепции судебной реформы в России, принятой Верховным Советом РФ.

Членом КПСС, это особенно примечательно, Моршаква никогда не была, что, впрочем, не помешало ей стать профессором Московского юридического института — сказала высокая квалификация, которую уважали даже при отсутствии партбилета.

29 октября 1991 г. на 5-м Съезде народных депутатов РСФСР в первом же туре Моршаква была избрана судьей Конституционного суда. Кандидатура Моршаквой была выдвинута фракцией «Беспартийные депутаты». При голосовании из 23 представленных кандидатов набрала наибольшее, после ставшего затем председателем КС Валерия Зорькина, количество голосов — 699. Таким образом, Моршаква стала первой и долгое время была единственной женщиной в составе КС. Учитывая, что именно судьи КС первыми в нашей стране начали вершить правосудие в мантиях, а также принимая во внимание высокий уровень не только профессиональной, но и общей культуры Тамары Моршаквой, ее по справедливости можно назвать первой леди в мантии.

При этом характер у Моршаквой, на первый взгляд, далеко не женский. Имея твердые жизненные принципы, она всегда готова отстаивать их как в профессиональных дискуссиях, так и в беседах на темы, далекие от юриспруденции. При этом, как признает

сама Моршаква, спор увлекает ее, она хоть и готова выслушать иную точку зрения, но никогда не принимает ее только потому, что на стороне оппонентов численнее большинство. Неконструктивную критику она отвергает, хотя и осознает, что за это многие считают ее «нетерпимой». Только в том случае, если альтернативная позиция логически безупречна, Моршаква может согласиться с ней. При этом глубокий анализ чужих мыслей постепенно делает их практически своими, и через некоторое время она уже почти уверена, что данная правовая конструкция рождена и выстрадана именно ею. И у Моршаквой есть на то основания, ибо в умении развить какую-либо идею и превратить ее в четкую и законченную юридическую формулировку ей, пожалуй, в составе КС нет равных. Коллеги признают ее роль в процессе «мозговой атаки», ее умение отсекают крайности.

В трудное для России время, когда конфликт между президентом и Верховным Советом достиг апогея, Моршаква смело пошла наперекор большинству судей КС. В марте 1993 г. она голосовала, наряду с Эрнестом Аметистовым и Николаем Витруком, против принятия заключения о неконституционности решений и действий Бориса Ельцина. А 21 сентября того же года на знаменитом ночном заседании КС она голосовала против принятия большинством судей заключения, по которому Указ Ельцина № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в РФ» признан основанием для отрешения президента РФ от должности.

Когда конфликт разрешился в пользу Ельцина и деятельность КС пришлось приостановить, Моршаква активно занялась доработкой проекта новой Конституции в составе рабочей группы Конституционного совещания, куда она вошла еще в июне 1993 г. На основе принятой в декабре Конституции при активном участии Моршаквой был вскоре подготовлен проект федерального конституционного закона о КС, принятие которого ознаменовало новый этап в деятельности высшего органа конституционного контроля.

Моршаква была одной из немногих, кто резко критиковал объявленную Госдумой в феврале 1994 г. амнистию, освобождающую от ответственности членов ГКЧП, поскольку, по

Тамара Моршаква.
Фото Фреда Гринберга (ИГ-фото)

мнению судьи КС, эта амнистия противоречила нормам Уголовно-процессуального кодекса.

Февраль 1995-го стал счастливым для Моршаквой месяцем — 13 числа приступивший к работе новый состав КС избрал ее заместителем председателя суда. Этот пост она заняла в острой борьбе с бывшим и.о. председателя КС Николаем Витруком, а также с судьями Юрием Даниловым и Маратом Баглаем.

Новая должность не изменила принципиальный характер Моршаквой. В августе 1995 г., когда КС вынес решение о соответствии Конституции указов

президента РФ и распоряжений правительства, касающихся ввода войск в Чечню, Тамара Моршаква выступила с «особым мнением», в котором выразилось несогласие с прекращением Конституционным судом производства по секретному ноябрьскому (1994 г.) указу президента. Этим указом предусматривался порядок формирования «рабочей группы» по проведению будущей акции, намечались сроки ее проведения. КС, однако, признал, что указ был отменен уже через 12 дней и потому не имел негативных последствий. В своем особом мнении Моршаква подчеркивала, что это не может служить основанием для отказа от производства, а указ, несомненно, заслуживает признания в неконституционности хотя бы по формальным соображениям: он ограничивает права граждан, а потому не может быть секретным.

Летом 1996 г. на пресс-конференции в связи с выходом сборника документов о расследовании в КС «дела КПСС» Моршаква вновь проявила свою принципиальность, когда заявила, что то решение КС не было исполнено, поскольку российские коммунисты на съезде в феврале 1993 г. вовсе не создали новую партию, а лишь восстановили старую, руководящие структуры которой признаны неконституционными.

Однако, будучи человеком довольно рез-

ким, порой бескомпромиссным, Моршаква, ненавидящая «человеческую несправедливость и злость», никогда не жаждет чужой крови. Победа в юридическом диспуте для нее срочный успех в спорте, где настоящий мастер всегда руководствуется принципом справедливой игры. Только этим можно объяснить ее отказ подать в суд иск о защите чести и достоинства в связи с публикацией интервью, «которого никогда не было». Ей вполне достаточно раскаяния недобросовестного журналиста, хотя, зная Моршакву, можно легко представить себе, какой всплеск отрицательных эмоций должен был вызвать материал, высосанный из пальца. Ведь обычно она подмечает даже мелкие неточности, допускаемые пишущей братией в своих репортажах из КС.

Как бы подчеркивая свою ненависть к любым формам дискриминации, Моршаква признается, что она не любит женский праздник, отмечаемый 8 марта. «Я считаю, что это несправедливо, когда для женщин устанавливается один праздник, давая им понять, что остальные дни в году на них вовсе не рассчитаны», — поясняет зампред КС. При этом г-жа Моршаква не стесняется типично женских черт, которые ей присущи, но в общении с ней сразу же замечешь, что перед тобой представитель прекрасного, но отнюдь не слабого пола.

Всегда предельно аккуратная, одетая со вкусом, но без изысков, не терпящая беспорядка как в своем рабочем кабинете, так и дома, Моршаква может служить идеальным образцом женщины, находящейся на государственной службе. Несмотря на свою строгость, она умеет сразу же завоевать симпатию собеседника, не допуская при этом фамильярности, присущей многим чиновникам старой партийной закалки.

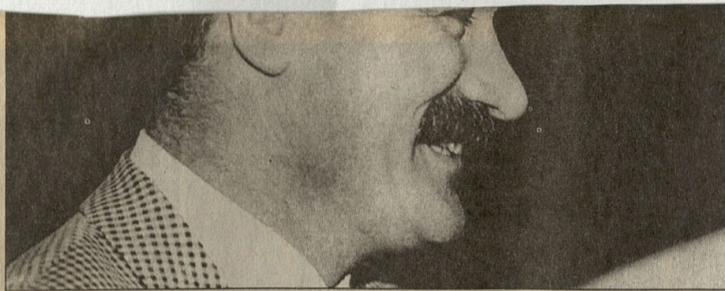
Черная судейская мантия придает г-же Моршаквой особую элегантность. При ее появлении в зале КС хочется встать еще до команды пристава, и не потому, что «суд идет», а просто перед входящей в помещение благородной дамой. С героинями классических романов, кстати, Моршакву роднит и ее увлечение поэзией. Правда, для чтения ей катастрофически не хватает времени, но ведь одно стихотворение можно прочесть, даже стоя на одной ноге в прихожей, пока разувается. И потому самым желанным подарком для Моршаквой является томок антилопы.

«В антологиях есть особый смысл, так как дают освещение всего поэтического периода», — признается она. Впрочем, женщина остается женщиной. «Я люблю и хозяйственные подарки, и безделушки, но, главное, ценю проявленное внимание», — улыбается Моршаква, рассказывая о своих симпатиях и антипатиях.

Но в основном ее жизнь посвящена любимому делу. Работа ее вдохновляет, без нее она не мыслит своего существования, хотя считает опорой в жизни «человеческие отношения». Необходимость повесить через три года мантию на вешалку ее печалит, хотя с окончанием судейских полномочий Моршаква вовсе не собирается на покой. Ее жлет научная работа, которая сейчас оказалась на втором плане, ведь у судьи и так немало дел, а тут еще административные заботы. Трудно быть заместителем председателя, который ненавидит роль начальника. Особенно отличился этим Владимир Туманов, да и нынешний председатель КС Марат Баглай тоже чувствует себя гораздо увереннее именно благодаря наличию такого зама. «Я тоже очень не люблю административную работу, но понимаю, что кто-то должен ее делать», — разводит руками Моршаква.

К тому же высокий пост не освобождает ее от домашнего хозяйства. «Я человек, осуществляющий домашний террор», — говорит Моршаква о своем стремлении к чистоте и порядку, — но чистота — это не самоцель, а условие существования». Хорошо хоть дочь уже взрослая, пишет докторскую. По стопам родителей-юристов она идти не захотела и стала филологом. Однако сейчас занимается именно проблемами юридической терминологии, а значит, обращается за помощью не только к домашней библиотеке, но и к тем, кто ее собирал. С другой стороны, сама Моршаква тоже готова воспользоваться советами своих близких, особенно важно услышать их мнение о том, понятно ли постановление КС. К счастью, взгляды Моршаквой и ее мужа — известного юриста профессора Игоря Петрухина обычно совпадают. Но иногда истина рождается именно в домашнем споре, и потому даже в семейном кругу, даже «водрузив себя на велосипед», зампреду КС не удается забыть о своей работе.

Автор более 100 научных трудов, Моршаква имеет широкий круг научных интересов — уголовный процесс, организация суда, прокуратура, других правоохранительных органов, социология правосудия. И когда видишь, что в Интернете именно этот перечень приводится в биографической рубрике «Хобби, увлечения, вкусы, стиль, имидж», понимаешь, что это не столько ошибка, сколько примечательный фрагмент характеристики Тамары Моршаквой, справедливо удостоенной за свою деятельность сразу двух почетных званий — заслуженный юрист РФ и заслуженный деятель науки РФ.

Наталья Пулина, Илья Максаков

РЕГИОН Северного Кавказа является наиболее беспокойным и проблемным на территории России, а некоторые поступки и поведение президентов и членов правительств северокавказских республик при решении ими вопросов как сугубо внутреннего, так и внешнеполитического характера в силу кавказского менталитета выглядят чрезмерно эмоциональными на фоне действий их западноевропейских и славянских коллег из дальнего и ближнего зарубежья. На этом фоне ярко выделяется фигура президента Ингушетии Руслана Аушева.

Отслужив действительную службу в Советской армии, Руслан Аушев решил продол-

На сегодняшний день он лучше других владеет ситуац

ность не мешала успешному продвижению по военной лестнице.

После распада Советского Союза и образования СНГ Аушев нашел свое место и в новых условиях: в 1991 г. возглавил Комитет по делам воинов-интернационалистов государств — членов Содружества. Однако должность председателя комитета занимал недолго — осенью 1992 г., с началом вооруженного противостояния между Ингушетией и Северной Осетией, он был назначен исполняющим обязанности главы временной администрации Ингушетии. Поблажал, как раз в этот сложный для только что созданной Республики Ингушетия период Аушев сумел поднять свой политический рейтинг среди населения республики. Именно тогда, проявив настоящую жесткость и непримиримость, Аушев стал добиваться от российских и североосетинских властей возвращения ингушских беженцев в Пригородный район Северной Осетии, принадлежности которого, собственно, и явилась причиной осетино-ингушского спора. Однако не видя положительных результатов своих требований, в декабре того же года он подал в отставку с поста главы администрации республики, оставаясь на введении в зоне конфликта режима федерального управления и вывода российских войск из Ингушетии в Пригородный район.

На волне введения института президентства в бывших союзных автономиях Северного Кавказа в декабре 1992 г. Аушев получил 100 тыс. подписей в свою поддержку, а 28 февраля 1993 г. был избран на безальтернативных выборах, получив 99,94% голосов избирателей.

В сентябре 1993 г., после указа российского президента РФ Бориса Ельцина о роспуске парламента, Аушев вместе с президентом Калмыкии Кирсаном Илмужиновым выступил в качестве посредника между враждующими сторонами.

В феврале 1994 г. в республике вновь состоялись президентские выборы, в ходе которых Аушев опять одержал убедительную победу, набрав 94,4% голосов избирателей.

Только что закончившаяся предвыборная кампания президента Ингушетии началась с заявления Аушева о категорическом отказе выставлять свою кандидатуру. Во многом именно из-за этого на пост главы республики решили баллотироваться другие 8 кандидатов.

При всем громадном авторитете Руслана Аушева на родине сам переизбранный лидер республики и его окружение либо сомневались в убедительной победе (почти 70%), либо стремились сделать результат еще более красноречивым. По крайней мере их действия не всегда отличались корректностью и уважением к оппонентам. Программы мест-

ного телевидения в подавляющем большинстве были посвящены президенту, его встречам с избирателями. Даже в день выборов Назрань была увешана наглядной агитацией за Аушева. А ингушский избирком, изготовив для граждан образцы заполнения бюллетеней, заботливо поставил галочку напротив третьей фамилии — именно на этой позиции находился президент.

Иные Руслан Аушев и его североосетинский коллега, избранный за полтора месяца до того Александр Дзасохов нашли взаимопонимание по проблеме возвращения ингушских беженцев в Пригородный район Северной Осетии. Аушев уверен, что при условии достаточного финансирования этой программы со стороны федерального Центра и при наличии доброй воли руководства соседней республики проблема урегулирования осетино-ингушского конфликта будет решена.

Если Аушеву удастся реализовать все свои планы, то он останется в истории не только как один из главных гарантов стабильности на Северном Кавказе, но и как основоположник возрождения и процветания своей родины. Президент намерен завершить в этом году строительство международного аэропорта в Назрани, ввод в строй газотурбинной станции, а также перенос в новую столицу Магас своей администрации. Другой приоритетной задачей Аушев считает создание в

О времена!

Любовь к прекрасному наследника Феррейнов

НА ПРОШЛОЙ неделе в Москве, в Центральном Доме художника проходил четвертый российский антикварный салон. В разные часы его работы были замечены многие знаменитости, отдающиеся в свободное время страсти собирать старье. Так, например, прямо на открытии по залам расхаживал юморист Евгений Петросян. А в пятницу, 6 марта, ближе к вечеру, произошло событие и вовсе нарушившее сосредоточенность москвичей и питерских антикварных торговцев: салон посетила блестящая семейная пара — Владимир Брындалов с женой Натальей, в сопровождении двухметрового охранника и не менее блестящего народного художника СССР Александра Шилова. Брындалов в сопровождении представителя Минкультуры метался от стенда к стенду, пытаясь противостоят мнению своего эксперта и купит что-нибудь нетленное. Его супруга, обладательница известного по телепередачам всей стране крупа, одетая в желто-оранжевый брючный костюм, торжественно носила по залам свою шикарную шевелюру, выкрашенную (по мнению компетентных людей, непосредственно перед посещением ЦДХ) в буржуйном смысле слова под цвет костюма. Огромный охранник с трепетом жимал в руках крохотную оранжевую женскую сумочку... Метания закончились вполне успешно. У кого-то из питерцев Брындалов приобрел здравенную картину, а у московской фирмы «Гелос» за 25 тыс. долл. взял наполненные часы в деревянном корпусе с орлом в наверхи. Похоже, все-таки тянет Владимира Алексеевича к регалиям российского руководства.

Д.Б.

Братья в «Газпроме»

ДЛЯ ИМПЕРИИ Рема Вяхирева истекшая неделя ознаменовалась двумя крупными событиями. 10 марта представителем думской фракции «Наш дом — Россия» во главе с Александром Шохиним побывали в «голубом чудо-городе» (штаб-квартира РАО «Газпром» на улице Наметкина. Депутаты были восхищены огромной картиной Евразии с нитками трубопроводов, опутывающих колоссальные территории. Александр Шохин не исключил возможность дополнения действующего законодательства о естественных монополиях, опособного четко отрегулировать отношения между государством и «Газпромом». Тот же день был ознаменован сорокапятилетием Виктора Вяхирева, младшего брата главы «Газпрома». В апреле прошлого года Виктор Иванович (с 1993 года возглавлявший ДБП «Тюменбургаз» РАО «Газпром») сменил свою сибирскую штаб-квартиру на московскую и стал генеральным директором ДОО «Бургаз». Вместе с новым генеральным директором «Бургаза» в столицу перебрались его жена Елена (экономист), дочери Юлия и Маргарита (студентка и школьница) и младший сын Роман.

Варвара ВЕРИГИНА

О нравы!

ФИГУРЫ И ЛИЦА

Великие, но люди

Субботнее приложение к «Независимой газете»

Выходит два раза в месяц

Ответственный редактор Олег Давыдов

Над номером работали:

Олег Мраморнов, Юлия Горячева, Александр Люсий,

Александр Стариков, Сергей Шаповал

Корректура:

Нина Гайдукова, Светлана Игнатова

Компьютерная верстка:

Галина Афанасьева, Маргарита Богачева, Марина Спирина, Сергей Курышев,

Константин Федулов, Татьяна Матвеева, Дарина Туратбекова, Наталья Зинякова,

Елена Мартинес-Пуэрта, Татьяна Тулупова

Иллюстрации:

Дина Нурухаметова, Илья Сергеев

Телефон редакции

924-94-42

© «Независимая газета»

© «Фигуры и лица»

(Окончание. Начало на стр. 9)

— Может, не стоит уподобляться американцам, устраивавшим в эпоху маккартизма «охоту на ведьмы»?

— Еще неизвестно, кто на кого охотится...

Сплошная пена кругом... Сначала вот всякие нравственные подвиги советского коммуниста пишут, а потом, как обстановка изменится, коллективные подписи против «Гимна Советского Союза» собирают...

В основном чтоб меня лишней раз лягнуть... (Очень громко, раздраженно, срываясь на крик.) Я писал всю жизнь то, что хотел! И Маршак писал только то, что хотел писать, и переводил то, что хотел переводить. И печатали его. Человек хочет писать и может — пишет... Хочет, но не может — коллективные доносы на всеядных талантливых организаторов... И к чему все это возн?

Абсолютно бессмысленная затея... Раз нет страны, значит, нет и гимна, который тогда был... Ну, реализовывать им себя как-то надо, коль других литературных наклонностей нет... Им все моя всенародная слава детского литератора спать не дает... Вы представляете, пять лет назад, прямо в канун моего восьмидесятилетия, в мой адрес в «Московском комсомольце» напечатали коллективное оскорбительное письмо. Что я-де автор сталинского гимна...

— Ну вы же и есть автор сталинского гимна... Или вы переживаете, что новоявленные «опоненты коммунистического режима» дружат именно против вас? Помните, наверное, из искандеровских «Крольков и Удавов» это выражение...

— Фазила Искандера, кстати, считаю одним из наиболее талантливых отечественных писателей. Он наравне с Юрием Бондаревым, Виктором Астафьевым, Владимиром Личутиным и Федором Абрамовым с его эпохальными «Пряслиными» входит в десятку моих любимых советских писателей... А то, что я автор сталинского гимна, так я и не стыжусь этого! Я же вам с порога сказал, что благодарен судьбе за то, что мне довелось познакомиться со Сталиным! Хотя он и не помог мне вытиснить младшего брата, побывавшего в плену у немцев, моего младшего брата Михаила, сначала из Лефортовской тюрьмы, а потом и из ссылки...

— И все же чем именно вас так оскорбило то коллективное письмо?... Ведь тогда потребность была в пятиминутках ненависти... Известный для отечественной литературы жанр, верно?

— Дело в методах... Двое литераторов уведомили меня потом, что они не подписывались именно под тем пресловутым письмом... Писатель Нагибин даже счел нужным письменно посоветовать, что «оказался втянутым в это дело». В моей книге воспоминаний опубликовано его письмо. В нем ясно написано, что он очень извиняется, что его втянули в это дело... Что он даже не видел, под чем именно поставил свою подпись...

— Вас факт фальсификации раздражает?

— Меня крайне удручает, что эти демократы (которые и не демократы вовсе, а в большинстве своем — ерунда собачья) пытаются скомпрометировать все замечательное,

Поверх барьеров

что было в советские времена... И пытаются делать это такими грязными методами, как нападки на меня как на автора Гимна...

— Вас нападки на гимн удручают как гражданина, как Героя Соцтруда или же как литератора, поэта?

— Не понимаю — мы о Государственном гимне сейчас говорим или о поэзии? Причем здесь эстетические критерии, когда мы говорим о по-ди-ти-чес-ком до-ку-мен-те, выражающем кредо го-су-дар-ства... Конечно же, его никак нельзя оценивать по законам художественного произведения... Хотя он и зарифмован, и положен на музыку. Но это, повторяю, отнюдь не художественное произведение... Это моя самая большая удача по общественной линии... В то же время — пожалуй, признаюсь вам первой — я завидую моему любимому поэту Александру Твардовскому, что он, а не я создал «Василия Теркина»... Вот это д е с т ь в е л ь н о поэзия! О б о ж а ю эту вещь! И слава народная у него была, и авторитет какой — у народа, и в то же время у бывалых, солидных людей... По-хорошему завидую ему. Я вот много стихов военных пробовал писать (в качестве военного корреспондента «Сталинского Сокола» много фронтов объездил), а вот на «Теркина» не смог вытянуть...

— Кто, по вашему мнению, войдет в пантеон лучших отечественных литераторов? Попробуйте абстрагироваться от ваших личных контактов...

— А что мне абстрагироваться? Я и писателями отнюдь не дружу. И если выбирать в гости, то не к писателям...

— Андрей Платонов войдет?

— Безусловно. Как и другой великий русский писатель — Виктор Астафьев.

— А Александр Солженицын?

— Без у л о в н о... Только не «Колесом» своим... «ГУЛАГом». Когда он писал «ГУЛАГ», он очень сильно рисковал... Сильно! И все-таки написал! И написал-таки, заметьте, за своей подписью... То есть повел себя не как иные прохвосты...

— Скажите, как вы относитесь к условному делению современных писателей на правых и демократических... Вот вы, к примеру, к каким себя относите?...

— А чего мне себя относить куда-то... Мне есть чего делать... Ведь я, как и Лев Кассиль, мой старший товарищ по «Известиям», и как Гайдар, вошедший в жемчужину детской литературы со своей «Голубой чашкой» и «Тимуром и его командой», — классик!

— Классик — и поэтому над схваткой? Поверх барьеров?

— Я не участвую во всех этих движениях. Ни в каких. Ни в патристическом, ни национал-патристическом, ни демократическом. Я вообще всю свою жизнь ни в каких движениях не участвую и не участвовал. Живу сам по себе. И не демократ, и не консерватор. Сам по себе. Чего время на эти митинги терять. Я лучше дома посижу, поработаю. Или своего любимого Пришвина перечту... Об увлекательных разговорах с друзьями литературной юности — Алексеем Крученых, Александром Введенским и Хармсом — вспомню. Хармса очень люблю! Он, кстати, любил анализировать мои детские вещи...

— Сейчас много литературных премий. Если бы все было согласно именно вашей воле, кому бы вы премию дали?

— Что значит «если бы»? Я и сейчас в силе. Не забывайте, что я председатель секции литературы при новом правительстве России... И Александр Солженицын, кстати, отчасти благодаря мне крупную премию получил...

— Простите, вы о Нобелевской?

— Нет, я о российской Государственной... Я его, как председатель секции по премиям, предложил, он премию и получил. (Солженицын отказался от этой премии. — Ред.) Я же вам уже говорил, что всегда считал, что книга «Архипелаг ГУЛАГ» — о г р о м н ы й гражданский подвиг писателя-публициста, который в крайне трудное время создал ве-

Сережа Михалков в 1916 году. Фото из архива С.Михалкова

ликопесный документ эпохи... Я сам создал несколько хрестоматийных документов эпохи (мне ведь не только гимн, но и строки «Имя твоё неизвестно, подвиг твой бессмертен» принадлежат), поэтому понимаю, как трудно быть летописцем эпохи...

— То есть вы против Солженицына «никогда не дружили»?

— А я и не мог ни «за», ни «против» дружить... Ведь мы не были знакомы... А преклоняться — я всегда перед ним преклонялся... Нет, чего уж теперь лукавить... Конечно, порой я выступал оппонентом по отношению к нему. Осекал тех, кто пытался поставить его в один ряд с Толстым... Не этого масштаба он писатель... Не Толстой он. Автора «ГУЛАГа» надо рассматривать в ином масштабе. Он документарный гигант! Не художественный.

— А детям своим в детстве вы кого читали?

— Я их чтением (равно как и воспитанием) практически не руководил. Они сами стали на ноги и сами стали большими художниками в своей области. Что было в доме, то они и читали... Моих книг, естественно, в доме было много. А так главным стержнем всей нашей духовной семейной жизни была жена моя Наталья Петровна Кончаловская... А я осенью 1939 года был призван для участия в походе наших войск на территории Западной Украины. Потом продолжал свою деятельность военного писателя в течение Великой Отечественной войны. Короче, исчез из дома как раз в то время, когда воспитанием детей самое время было заниматься... Считаю, значит, что уже шесть лет ушло... И не навредить их никак... Поэтому я, не раздумывая, особо, в общественную работу ушел... Так что большая заслуга в том, что они и меня такие талантливые, принадлежит их матери... Первой, кстати, в Советском Союзе (и причем — в 38-м году) опубликовавшей переводы Шелли и Вордсворта...

— Интересно, каковы их взаимоотношения со сводной сестрой... Ведь когда вы уговорили Наталью Кончаловскую связаться с вами судьбу, после того как она завезла с Богдановым, работавшим шесть лет в Америке под крышей Амторга, у нее уже была десятилетняя дочь, верно?

— Да. Но она не жила с нами. Воспитывалась в основном в семье деда, известного художника Петра Петровича Кончаловского... Только в последние школьные годы жила в нашей семье... И, естественно, перед смертью матери большую часть времени проводила с ней на даче. На Николиной Горе. Жена, в отличие от меня, предпочитала жить на природе.

— Ваши сыновья дружны с вашей приемной дочерью?

— Они и между собой-то... Соперничают... Нет, с Екатериной, равно как с ее взрослыми дочерьми, воспитывающими собственных детей, ни они, ни я не дружны. Хотя у них могли быть интересные пересечения. Екатерина была замужем за писателем Юлианом Семеновым...

— Ого!...

— Замечательный, замечательный был человек... Редкостной судьбы... И талантливый, талантливый... Уникальный в своем роде писатель, журналист, публицист... Вот с ним-то я поддерживал отношения... И читать его любил... Бы-ва-ль человек... Я, скажу вам однозначно, вообще люблю читать бывалых людей... Ну, я под бывалыми имею в виду людей, которые всю жизнь работали в какой-то отрасли (ответственной, разумеется) или в разведке...

— По-моему, отец вашей последней жены Юлии, с которой вы соединили свою судьбу в минувшем декабре, тоже человек бывалый... Верно? Вам, наверное, любопытно с ним как с литератором... Притом вам, наверняка с ним и чисто житейски интересно общаться... Разница в возрасте, наверное, не столь большая...

— А мне и с Юлией любопытно... Человек она образованная. А что касается ее отца... Верно — Валерий Иванович солидный человек. Даже очень. Академик. Ядерный физик. Вполне закономерно, что и Юлия получила эту специальность...

— Любопытства ради ответьте: она помогает вам как-то регламентировать вашу деятельность?

— Какую такую деятельность? Я вполне самостоятельно все делаю. Без секретарей обхожусь. И она самостоятельный человек. Окончила аспирантуру. Преподавала в солидном институте. Работает сейчас в одной солидной международной организации...

— Связанная с наукой?

— Да. Секретарь по науке. И хорошо, что работает. У меня просто сил нету, чтобы ее отдельно заниматься. Я же... (подбирает слова) академик... Академик Российской академии образования, Академик славянской академии. Международной. Сопредседатель международного сообщества Союза писателей, член Совета по детской книге России... Все это отнимает довольно-таки много времени.

— А с вашими коллегами ваша жена общается? У вас есть какой-то (несмотря на разницу в 49 лет) общий круг знакомых?

— У меня и своего-то уже нет... Есть несколько человек, к которым могу пойти в гости. Нет, они не писатели. Да, верно, среди них есть и Глазунов, которому я в свое время с московской пропиской помог. (Даже с самой Фурцевой по такому случаю кокетничать пришлось.) А так я с внуком Егором большей частью свободное время предпочитаю проводить. Вот когда он меня в ресторан приглашает, и жену прихватываю. Правда, нечасто это бывает. (С гордостью.) Он бо-ль-ш-о-й человек в рекламном бизнесе. Собственной студией руководит. И второй внук, Степан, работает в кинорекламе. Ну а я, как вы знаете, уже около 25 лет «Фитилем» руковожу...

— Насколько я помню, вопрос о вашем назначении руководителем «Фитиля», впоследствии давшему «литературную подоплеку», решался в ЦК КПСС... Вы часто там бывали?

— Приходилось... С Шаурой в основном общался... Замечательный был человек! Трудного, правда, ему «под» Суловым приходилось... Тот даже мне отказывал. В частности, отверг мою идею о возвращении Гумилева читателю... С Брежневом было общаться куда легче, приятней и продуктивней... Он, надо сказать, всегда прислушивался ко мне. Именно я убедил его в том, что актером детского театра надо давать звания народных артистов страны. Да и заслуженных тоже. Наравне со взрослыми. Именно я убедил его утвердить

Ленинские премии специально для произведений литературы и искусства для детей... Все, с чем я к нему пришел, он сделал...

— По-моему, фортуна вас вполне отблагодарила за все эти хлопоты. Вы же самый первый эту Ленинскую премию получили...

— Вы что, как Агния Барто в 72-м году, будете меня упрекать в том, что я все это затеял, чтобы себе премию урвать? Мой успех измеряется не только премиями, но и популярностью...

— Сергей Владимирович, вам не жалко порой времени, потраченного на общественную деятельность? Вы же могли бы больше писать...

— Ну, к сожалению, у меня жилка такая. В характере. Не могу без общественной жизни. И не мог никогда. Вот и Никита в меня пошел... Андрей занимается только искусством. У Никиты другой размах. У него и студия, и Российский фонд, и Союз кинематографистов...

— Но крупный общественный деятель... Любопытно, советуется ли с вами младший сын, Никита, разрабатывая проекты сугубо кинематографического толка... Вы же наверняка признаны в семье как аксакал тактики и стратегии...

— Никита советуется!!! Он во всех нюансах сам прекрасно разбирается... Я сам с ним порой говорю!!! Никита очень разумный человек и при этом вечно молодой!!!

— В продолжение темы благодарности... Отъезд Андрея во Францию был для вас неожиданным... Он отразился на вашем положении?

— Никита никогда на эту тему со мной не разговаривал. Ни в одной инстанции. Уехал он нормально. С гордо поднятой головой. Незадолго до того закончил «Сибиряду» — замечательный фильм. А работать на одной киностудии с младшим братом — не сахар...

— ???

— (Внезапно срываясь на крик.) И тому, и другому государству должно деньги давать... На съемки. Он хотел научиться снимать фильмы! А лучшая школа на Западе!!! Там снимают совершенно по-другому!!! А тут никто денег не давал...

— Но Никите-то давали...

— (Взвывает.) Андрею «Одиссей» стоил 45 миллионов долларов... Кто был дал ему эти деньги здесь... Разве такому художнику, как Андрей, можно работать на случайные подачки от банкиров?! Может он в таких условиях создать крупномасштабный исторический фильм?!

— Никита же всегда хитрил! Всегда находил деньги на не менее талантливые и сложные картины...

— То — Никита!!! Он своей пробивной жилкой в меня пошел... Я вот до сих пор умудряюсь деньги на штат «Фитиля» и помещение находить... Андрей, он в мать пошел... Непробиновского склада человек. Масштабами же мыслит глобальными. Работал в каторжных условиях. Правильно сделал, что уехал... Конечно, нам было неприятно, что он уезжал. Особенно матери. Но ведь ни с кем не порывал... Даже пару раз приезжал на Новый год...

— Я вижу у вас в кабинете несколько фотографий высшего Никиты... А что, фотографии старшего висят в других комнатах?

— Вы пытаетесь меня спровоцировать? Да, мне известна версия, которая ходит о нашей семье... Мол, Никита мой любимый сын, Андрей — Кончаловский... С фотографиями все просто. Андрей свои еще не донес... И вовсе своим отъездом он не испортил ничего. Ни мне. Ни себе. Квартира у него теперь здесь есть. На днях должен орден «За заслуги перед Отечеством» получить. Никита такой же уже получил... Так что все нормально идет...

— У вас в кабинете портрет работы Петра Кончаловского...

— Кончаловский — весь — в моем доме!!! Что касается наследства фамильного клана Михалковых, то оно практически все в ведении государства. Фамильные иконы (я в свое время с просьбой о возвращении к самому Рудому обращался) до сих пор не вернули... А большинство из архивных материалов (включая 14 тысяч писем деда и прадеда, написанных на французском) находится в Центральном государственном архиве. Я и свой архив собираюсь передать туда... Вот только награды свои никуда передавать не хочу... Вы не подумайте, что у меня только одна Звезда Героя Соцтруда, с которой меня иногда видят... У меня наград много. Просто я не старый пенсионер, чтобы напяливать на себя все ордена подряд... Мне всего лишь 85... Всего лишь! ■